2007
МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ
г. МОСКВА
28 ИЮЛ 1986

МК Литературная СТРАНИЦА

100-летию со дня рождения Александра Блока посвящается

ВЫСОКИЙ, ЧИСТЫЙ ЗВУК

АЛЕКСАНДР Блок жил и писал на рубеже двух веков, двух исторических эпох. Своим творчеством он соединил русскую классическую поэзию XIX века с послереволюционной советской поэзией. Непрост и нелегок был путь Блока. От мистической несказанности ранних стихотворений шел он к овеянным высокой романтикой и великой искренностью стихам о Родине, поэмам «Возмездие» и «Двенадцать».

Обостренно чувствовал поэт приближение великих исторических перемен. «Душа поэта подобна приемнику, — писал он, — который собирает из воздуха и сосредоточивает в себе силу электричества».

Начало блоковского «романа в стихах» (как сам поэт называл тома своей лирики), его исток — в «Стихах о Прекрасной Даме». Навеянные романтической обстановкой «благоуханной глуши» крохотной дворянской усадьбы, возникшие под влиянием бытовавших в начале века мистико - философских воззрений, юношеские стихи Блока проникнуты глубоко субъективным, «тайным» чувством любовного преклонения перед Вечной Девой, явление которой спасет падший мир, возродит человечество, даст силы для новой жизни.

Предчувствую Тебя.
Года проходят мимо —
Все в облике одном
предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне—
и ясен нестерпимо,
И молча жду,—
тоскуя и любя...

Но уже в стихах юношеской лирики Блока слышались реальные земные мотивы. Ведь все они были рождены любовью молодого поэта к юной Любе Менделеевой, и высокий, чистый звук этой любви рождал «исповедь сердца».

Революция 1905 года пробудила в поэзии Блока мотивы гражданственности и общественной ответственности. Именно летом 1905 года написана «Осенняя воля», в которой глубоко раскрылась тема всей его жизни, «тема о России».

Мировоззрение Блока основывалось на сознании единства мира, общества и человека. Поэт воспринимал и переживал действительность во взаимосвязи всех ее проявлений и событий; не только проникаясь ощущением единства и целостности мира, но и себя ощущая частью этого всеобщего и единого целого.

...через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И все уж не мое,
а наше,
И с миром утвердилась
связь...

Оглядываясь в прошлое, размышлял поэт о судьбе России, пытаясь прозреть ее будущее, основываясь на историческом опыте:

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Он обостренно ощущает грядущую судьбу Родины: «Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, более страшной». И когда грянула Октябрьская революция, именно Блок призвал слушать ее «всем телом, всем сердцем, всем сознанием...»

Личность и творчество великого русского поэта Александра Блока служат нам поучительным и вдохновляющим примером беспредельной верности великому делу поэзии. И неудивительно, что именно он — «божьей милостью поэт и человек бесстрашной искренности» (Горький) — создал в первые годы Советской власти поэму «Двенадцать» и стихотворение «Скифы», «первую, заглавную страницу советской поэзии».

...Многое написано о жизни и творчестве Блока. И с особым волнением всегда читаем мы страницы воспоминаний о поэте, принадлежащие близким ему людям. Становится все меньше неизвестных мемуаров о Блоке, и тем значительнее каждый штрих, раскрывающий что-то новое в его судьбе. Печатающиеся ниже воспоминания о Блоке принадлежат его троюродной сестре О. К. Самариной (Недзвецкой). Написаны они десять лет назад. Ольга Конрадовна Самарина, ленинградский ученый-филолог, автор многих учебников иностранных языков, была близка с Блоком в пору его детства и юности. Она сохранила светлые воспоминания и о Сашуре Блоке, и о семье Бекетовых, к которой принадлежала ее мать (дочь сестры деда А. Блока — А. Н. Бекетова). Воспоминания печатаются с сокращениями. Полностью они входят в раздел «Воспоминания о Блоке» сборника «Александр Блок и современность», подготовленного издательством «Современник».

В. ЕНИШЕРЛОВ.

Ольга САМАРИНА

ДЕТСТВО

(СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ)

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ботанический садик — детище Андрея Николаевича Бекетова, взращенное и взлеянное им, всегда привлекал меня в университетские годы моей жизни: несмотря на заброшенность, в нем чувствовалась забота и вкус его основателя.

Была ли семья Бекетовых несколько самовлюбленной в свои таланты и культурность? Я слышала раз такое мнение. Конечно, мне трудно судить об этом. Знаю только, что ректор привлекал к себе в дом студентов, совершенно не считаясь с «положением» приглашенных в «обществе». Мне доподлинно известно, что два скромных провинциала, жившие исключительно случайными заработками от уроков, были среди тех питомцев университета, которые в семье ректора нашли ласковый прием.

А. Блок с двоюродными братьями Кублицкими и родственниками Лозинскими.

Тетя Аля*, мать Сашуры, всегда выделялась своею страстностью в отстаивании своих взглядов, с полной непримиримостью и неожиданностью аргументаций. Много мне было непонятно, но необычность рассуждений и глубокая убежденность в своей правоте врезались в память. Вероятно, в обыденной жизни немало трудностей представляла прямолинейность тетушки.

Детьми мы жили друг против друга с семьей старшей сестры тети Али—Софой...

Выставленная в окне книга красного переплета означала, что собираются идти в Таврический сад, а книга голубая, что предстоит поход в город. Общение было постоянное, обычное.

Зато появление Сашуры означало нечто неожиданное, выходящее из обыденных рамок. Жил он тогда с отчимом и матерью в Гренадерских казармах, на Петроградской стороне, далеко от нашей Фурштатской (Петра Лаврова), да и годами был старше.

Понятно, что он сразу становился командиром и весьма энергичным заводилой.

Очень страшно было сидеть на высоченном шкафу лет пяти в роли Джульетты на балконе — а по «лестнице» (стулья, комод, шкафик, перекрытые ковром) пробирался ко мне семилетний Ромео — сын тети Софы. Но если не высидишь — ждет изгнание из мальчишеской среды, а это, например, кругосветное путешествие в роли юнги на пароходе под водительством капитана Сашуры: одна из заманчивых перспектив. Копья — свернутая палочкой газета, отнимаемые у пиратов, головные перистые уборы из той же газеты, снимаемые с голов дикарей, — все это сдавалось на ответственность юнги в «шатер» на палубе.

Сашура тогда был мальчиком с шапкой светлых вьющихся, довольно длинных волос. Таким он изображен и на фотографии.

Но вот пошли инсценировки.

Помню, как двоюродные братья скандировали в белых тогах (простыни) «греческие» стихи Козьмы Пруткова, помню размеренные жесты и длительные застывшие позы: конечно, инициатором и режиссером был Сашура.

Потом уже дошло до постановки на французском языке одной из комедий Лабиша «а-Грамматика».

Сашура изображал моего отца — любителя - археолога. И, надо сказать, изображал хорошо. По ходу действия ему приходилось потрясать в восторге только что «найденным» обломком «старинной» вазы — ничем иным, как частью вполне неоспоримого ночного горшка.

Сашура всячески и от меня старался добиться толку — но лет в 7—8 воплощаться в нежную дочь, влюбленную невесту и «естественно» падать в обморок, видимо, не всякому дано.

Еще очень ясно вижу Сашуру уже в гимназическом мундире, декламирующего у нас Апухтина, и помню разнообразие способов повторения «васильки, васильки...» и вообще богатство интонаций, мимику, жесты.

Мне кажется, здесь с моей стороны не было преклонения — у него действительно голос звучал совсем не так, как потом, нарочито глухо.

В этом отношении прямым контрастом для меня явился много, много лет спустя вечер чтения Блоком собственных произведений на Высших женских курсах: тягучая монотонность, вялость ритма всего одного и того же, глухость звука—как-то в нос. Так мне не пришлись по душе, что я даже сохранила инкогнито и не подошла к тетушкам.

Понятно, что разница в 8 лет слишком далеко оставляла меня позади Сашуры-юноши, тем более влюбленного. И опять живо помню минуту, когда он приехал к моей матери уже с невестой. Мне показался этот факт таким забавным, что пришлось убежать «отсмеяться». Любовь Дмитриевна произвела тогда на меня впечатление невероятного контраста по отношению к Сашуре — очень уж рослая, румяная и взрослая.

Впоследствии мне рассказывала тетя Аля подробности про соседство по деревне с Менделеевым, про постановки, про Гамлета с Сашурой и Л. Дм. в главных ролях и про постепенное развертывание событий. Она же мне сообщила, что Менделеев - отец был крайне удивлен, когда узнал о намечаемой свадьбе, — он ничего не замечал. Но вместе с тем, по словам тети, он был доволен этим оборотом дела.

На этом «визите» Сашуры кончилось наше прямое общение с ним — он оказался отрезанным ломтем.

После Октябрьской революции, с переездом в новую столицу ряда учреждений, круг моих родственных связей оказался совершенно оборванным в Ленинграде.

И я написала Сашуре несколько слов, указав свой телефон. Ответ был быстрый — я очутилась на Пряжке среди сильно постаревшей тети Али, самого Сашуры и Любови Дмитриевны. Я сразу ощутила ее тяжелейшую героику — героику повседневной жизни, так как ясно было, что она и есть тот устой, на котором держится весь такой сложный тогда в переходный период быт. Я знала, что «лицо в простой оправе» было «своей рукой снято со стола» — и очень оценила стойкость и выдержку Любови Дмитриевны.

Помню еще случайную встречу на Моховой — вялую, безразличную к лужам походку, склоненную голову. Сашура мне объяснил тогда, что предпочитает ходить пешком.

Публикация В. ЕНИШЕРЛОВА.

*) Александра Андреевна — мать Александра Блока.

Александр БЛОК

***

О, я хочу безумно жить:
Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон
тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,—
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве
это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

5 февраля 1914

Редакция журнала «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ» обратилась к ряду известных советских писателей с вопросами:

Какое место, по вашему мнению, принадлежит Блоку в судьбах нашей культуры?

Как вы расцениваете значение литературного наследия Блока для современности?

Какую роль сыграл Блок в вашей творческой биографии?

Предлагаем читателям «МК» ответы на них нескольких современных поэтов.

СЛОВО О ПОЭТЕ

Маргарита АЛИГЕР

ДОБРОСОВЕСТНО вникнув в вопросы анкеты, я полагаю, что первые два вопроса уже в значительной мере заключают в себе и ответы, и мне, пожалуй, можно на них и не отвечать. Я позволю себе ответить лишь на третий вопрос: «Какую роль сыграл Блок в вашей творческой биографии?».

Слава богу, я узнала Блока в раннем детстве и до сих пор помню, скорее, пожалуй, ощущение, чем впечатление, почти физическое ощущение, вызванное двумя лирическими стихотворениями, прочитанными мной в книжке альманаха «Шиповник», который читал отец. Наверное, я совсем не все в них поняла, но эта обволакивающая магия, это ни с чем не сравнимое ощущение — его не забыть, его не рассказать. Да и ни к чему пытаться — каждый сам его испытывает и, вероятно, по-своему.

А потом был первый в моей жизни школьный утренник, и старшеклассник прочитал с эстрады «Двенадцать». Волшебство, магия или, может быть, нечто родственное ощущению огня, или ветра, или мороза, или яркой вспышки света. И это было уже на всю жизнь, и спасибо за это жизни.

Но хватит, однако, придыханий. О Блоке можно и нужно говорить точно и твердо, а не захлебываясь превосходными степенями. Так вот, Блок научил меня тому, что сила и выразительность поэзии заключается прежде всего в ее драматизме, в ее наполненности и насыщенности, в ее значительности и важности для других людей, для тех, кому она предназначена, к кому обращена. Не может истинная поэзия говорить о несущественном и говорить несущественно, незначительно, несерьезно. Нет, нет, не подумайте, будто бы я отрицаю в поэзии шутку, улыбку, игру, даже озорство — они ей подчас бывают просто необходимы, поэзии, и как же без них?! Я имею в виду стихи несущественные или незначительные, которые, однако, пытаются выглядеть значительно и серьезно, и подчас им это почти удается. Почти — потому что ненадолго. Потому что их ничтожество неизменно и непременно обнаружится, и они перестанут существовать, даже опубликованные, даже прославленные.

Подлинный глубокий драматизм поэзии определяет, на мой взгляд, ее самое высокое назначение: человечность, страстность, истинную гражданственность. Только переживая всечеловеческую трагедию, боль всего человечества, переживая всей душой, всей глубиной своих чувств, можно помочь людям перенести их, обрести силы для борьбы со злом и за добро. Этому учит, по-моему, могучая поэзия Александра Блока.

Евгений ВИНОКУРОВ

К БЛОКУ в разное время я относился по-разному, в разное время я любил разные стихи.

Сейчас мне нравятся стихи, хотя и написанные не одновременно, но составляющие тем не менее один, на мой взгляд, цикл, объединенный как бы одним ощущением, одной внутренней мыслью.

Эти стихи я безотчетно выделил среди других, и они составили тоненькую книгу, вышедшую в издательстве «Молодая гвардия», мною составленную и снабженную моим предисловием. Это стихи: «Девушка пела в церковном хоре...», «На островах», «Черный ворон в сумраке снежном...», «Не спят, не помнят, не торгуют...», «Незнакомка», «Ночь, улица, фонарь, аптека...» и др. Собрав эти стихи вместе, я вдруг понял: они об одном — о мировой ночи и о спасительности иллюзии. Я понял, что это очень определенный, точный по слову, «материализованный», почти «акмеистически» вещный и в то же время «символически» высокий цикл. То есть это его, на мой взгляд, центральный цикл, где он нашел себя, где он, по-моему, настоящий. Поэтому-то он здесь такой воплощенный, безукоризненно меток по слову, по своему звучанию. Звучание — безошибочный критерий истинности смысла, искренности: «Вновь оснеженные колонны...». Как этот цикл я, точно по звуку, и люблю сейчас!

Стихотворение, где «над бездонным провалом в вечность, задыхаясь, летит рысак», — одно из лучших в русской поэзии.

Сюда же, в этот цикл, идут стихи: «Похоронят, зароют глубоко...», «Над черной слякотью дороги...», «Познай, где свет — поймешь, где тьма». И, если быть честным, я должен прямо сказать, что многие стихи, которые мне были близки, когда мне было лет пятнадцать, сейчас оставляют меня равнодушным. Мне кажется сейчас, что, например, строки: «Влюбленность расцвела в кудрях и в ранней грусти глаз...» — претенциозны. Многовато красивостей, декоративности.

Но это, как он же сказал, «случайные черты». Понять недостатки поэта — это значит понять и его достоинства, ведь, как опять же сам Блок писал: «Познай, где свет, — поймешь, где тьма». «Если поэт не «икона», а живое явление, его лучше понять в контрастах».

Я приведу в заключение одно место из поэзии Блока, высоты и напряжения которой не досягал, может быть, на мой взгляд, ни один русский поэт:

Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит;
я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Давид САМОЙЛОВ

БЛОК занимает огромное место в нашей поэзии. Но его значение в русской культуре выходит за рамки литературы. Блок — один из тех писателей, которые оказали и оказывают воздействие на развитие национального характера. В русском сознании издавна существует ощущение, что требовательность к себе выше требований к миру. В эту черту национального бескорыстия Блок внес свою интонацию; он создал свой вариант русского «идеализма», противопоставленного прагматизму и житейской прозе.

ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО человека поэзия Блока — не история литературы, то есть явление, в каком-то смысле исчерпавшееся и принадлежащее прошлому. Блок — один из самых читаемых и любимых русских поэтов. Его творчество продолжает активно влиять на нашу поэзию; его творчество со временем по-новому раскрывается перед нами как литературное и нравственное явление. Об этом свидетельствует живой интерес читателей ко всем публикациям, связанным с творчеством и личностью Блока.

Я ДУМАЮ, что нет современного поэта, который не испытал бы на себе влияние поэзии и личности Блока.

Я был одержим Блоком с шестнадцати лет. Позже — тоже в юности — он был заслонен Маяковским, Пастернаком и Хлебниковым. Но в зрелые годы он вновь вернулся, уже не только как поэт, но и как автор статей, писем, дневников, записных книжек, вернулся в сложных личных и литературных связях, то есть в гораздо большей полноте личности и судьбы.

Александр КУШНЕР

ЕСТЬ искушение назвать Блока, пользуясь выражением Баратынского, «последним поэтом», имея в виду, что особое чувство ответственности было характерно именно для XIX века. От Гоголя, Некрасова, Тютчева, Толстого унаследовал Блок это свойство.

Чувство ответственности — это готовность расплатиться жизнью за каждое слово, что и произошло с Блоком.

БЛОК — «последний поэт» еще и в том смысле, что образ жизни Поэта, путь Поэта, образ Поэта — все это чрезвычайно важно в поэтической системе Блока. Лирическому герою прощается и самолюбование, и высокомерие, и безвкусица, если он способен на подвиг. Относительно блоковского героизма сомнений не возникает. Гамлет, рыцарь, паладин... Лирический герой, лирическая маска редко так точно, почти не оставляя зазора, накладываются на реальное лицо поэта.

Нынешнему же поэтическому сознанию несвойственно стремление к лирическому герою, театрализации. Не Поэт, не рыцарь, не принц, не «сёр», не всадник, «рыщущий на белом коне», не падший ангел — а человек, пишущий стихи, один из многих, окликнутый в толпе. Именно такое, включенное в общую жизнь поэтическое сознание, вне всякой выделенности и отмеченности, кажется наиболее современным.

Вообще жить сегодня с ощущением себя в качестве поэта и стыдно, и невозможно.

НО В ЮНОСТИ, в семнадцать - восемнадцать лет, это ощущение едва ли не обязательно для человека, пишущего стихи. И Блок для этого возраста — великий пример. Очарование его образа огромно и бесследно пройти не может. Не представляю молодого поэта, прошедшего мимо Блока. Понятия чести, совести, ответственности, доблести, долга впитываются в кровь в этом возрасте в связи с блоковской поэзией и останутся в нас навсегда. А еще существует особое, блоковское, звучание стиха. Эта мелодия, предшествующая появлению героя на сцене, оповещающая о его приближении, — самое дорогое для меня в Блоке. «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку, Молодеет душа...».

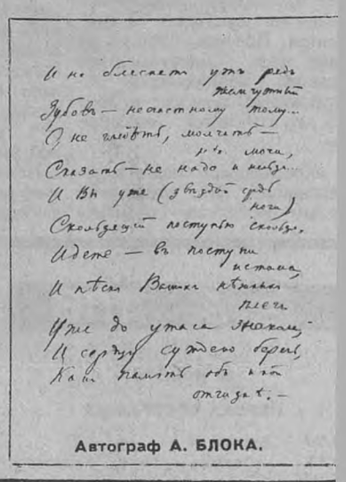
Суюнбай ЭРАЛИЕВ

НЕСОМНЕННО, что по силе таланта, по глубине проникновения в жизнь и сокровенный мир человека, по значительности и многокрасочности художественных средств, ставших неоценимым достоянием советской поэзии, Блок, подобно Маяковскому и Есенину, принадлежит к той плеяде деятелей нашей культуры, которая составляет ее гордость и славу.

Кстати, еще Маяковский отметил, что творчество Блока — «целая поэтическая эпоха, эпоха недавнего прошлого». Сегодня мы с полным основанием можем добавить, что творчество Блока — «целая поэтическая эпоха» не только «недавнего прошлого», но и эпоха, пережившая и умножившая свою славу. Яркое свидетельство этому — необычайно возросший в последние годы интерес к творчеству Блока и его человеческой судьбе. Да, многое в литературном наследии Блока обретает сейчас злободневное звучание, помогает уяснить коренные вопросы литературы и искусства, являющиеся предметом острых и вечных споров. Но в творчестве Блока есть еще то важнейшее качество, которое придает ему непреходящее значение, — устремленность в будущее.

В МОЕЙ творческой биографии свою роль сыграли — конечно, каждый в разной степени — многие поэты. Среди них есть и Блок. Его поэзия — великая школа стиха и мастерства. Меня, например, глубоко покоряет удивительная гармоничность и синтетичность творчества Блока: сложность и вместе с тем внутренняя цельность поэтической души, романтическая условность и жизненная конкретность, классическая пластичность в сочетании со свободным стихом и т. п. Вообще Блок был верен своему слову о том, что поэт — «сын гармонии». Этому слову должны следовать и мы, современные поэты.

г. Фрунзе.



Автограф А. БЛОКА.

Нино КУТАТЕЛАДЗЕ

Александру Блоку

***

О вечности озноб!
Тебе он ведом, верю:
Поющему дано
Пить холодок потери.

И тайны вдруг ясны
Тобой воспетых весен:
Там на плечо весны
Бросает блики осень.

Тебя мечты влекли...
Но повелось извечно:
Мечтою нарекли
Несбыточное нечто.

Перевод с грузинского Н. ДАРДЫКИНОЙ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ЛЕНИНГРАД, 27 ноября. (Корр. ТАСС). Премьера пьесы Александра Блока «Роза и крест» состоялась сегодня в Академическом Большом драматическом театре имени М. Горького.

— Обращение к драматургии Блока имеет для нас особое значение: ведь Александр Александрович был одним из основателей нашего театра — ровесника революции, — говорит главный режиссер БДТ народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Георгий Товстоногов. — Блока, который занимал должность председателя директории Большого драматического, называли «совестью театра». Перед началом спектаклей по пьесам Шекспира, Шиллера, Гольдони поэт выступал перед зрителями, рассказывая о высоком назначении театра, о нерасторжимой связи искусства с нравственностью. Наша новая работа — дань любви замечательному художнику, попытка осмыслить огромное и сложное явление, имя которому — театр Блока.

ХАРЬКОВСКИЕ АДРЕСА

ХАРЬКОВ, 27 ноября. (Корр. ТАСС). Книжно-иллюстративная выставка, посвященная творческим связям А. Блока с Харьковом, открылась в научной библиотеке имени В. Г. Короленко.

Среди ее экспонатов вызывает интерес губернская газета «Утро», где в 1914—1915 годах впервые увидели свет стихотворения «Порою вновь к твоим ногам...», «В часы безмолвия ночного...», «Уже бледнеет день прощальный...» и другие.

Почему поэт, никогда не бывавший в Харькове, именно здесь опубликовал свои произведения? С городом этим его связывают родственные узы. Здесь родилась его мать Александра Андреевна Бекетова. По проектам ее родственника — талантливого архитектора А. Бекетова в городе построены десятки зданий. В Харькове долгое время жил и работал известный русский химик Н. Бекетов — родной брат деда поэта.

С семьей Бекетовых у Блока были теплые отношения. Он поддерживал также связи с прогрессивной интеллигенцией города. Об этом свидетельствует его переписка с местным поэтом Г. Вяткиным, который в 1914 году поместил в той же газете «Утро» рецензию на первую постановку лирической драмы А. Блока «Роза и крест».